

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 191–199.

УДК 81'367.623

О. А. Субботина

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -ОВАТ-(-ЕВАТ-) КАК СРЕДСТВО ГРАДАЦИИ ПРИЗНАКА

На протяжении довольно долгого времени внимание лингвистов привлекает славянская языковая картина мира как “совокупность... ценностных ориентиров, жизненных стратегий и сценариев поведения, которые говорящие усваивают вместе с языком” [11, с. 49].

Еще Н. О. Лосский писал: “У русских, как и у всех славян, высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще. Это выражается в обилии увеличительных, уменьшительных и уничижительных имен” [13, с. 7]. Иными словами, словообразовательные конструкции представляют собой связь сознания со структурой языка. По мнению Т. И. Вендиной, “именно словообразование позволяет выявить способы оценки внеязыковой действительности, рассмотреть ее сквозь призму шкалы соответствий системе ценностей, определить, какие ее элементы словообразовательно маркируются и почему” [7, с. 10].

Одним из таких способов отражения внешних реалий в славянских языках являются адъективы с суффиксами -оват-(-еват-), образованные от имен прилагательных и имен существительных. Так, например,

в “Грамматике болгарского языка” и в “Русской грамматике”

дериваты, образованные от имен прилагательных:

“означают более слабую степень данного признака”: **prodълговат**, **простоват**, **синеват**.

[1, с. 255].

описываются как “обладающие в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом”: **слабоватый**, **грубоватый**.

[15, с. 299].

В чешском языке прилагательные с суффиксом -ovaty, образованные от существительных, выражают:

1. “в определяемом имени усиленное качество, содержащееся в имени от которого они образованы”: **dolickovaty** — “рябоватый”, **sukovaty** — “суковатый// коренастый, приземистый”, **uhrovaty** — “угреватый” [21, с. 219]

В. В. Виноградов определяет подобные русские производные как:

1. “имеющий что-нибудь в избытке”: **вороватый** — “нечестный, плутовской // опасливый, осторожный”, **дубоватый** — “грубоватый, малоподвижный // тупой, глуповатый” [8, с. 101].

2. "сходство имени, определяемое данным прилагательным, с тем именем, от которого прилагательное образовано (сходство в цвете, форме, исполнении и др), например: *boubelaty* — "полный, как пузырь", *urchovaty* — "наполненный доверху" [21, с. 220].

2. "имеющие некоторые черты сходства": - *мужиковатый* — "грубоватый, простоватый", *шишковатый* — "похожий на шишку, в виде шишки" [9, с. 136]

Предметом особого внимания в данной статье являются русские дериваты — антонимы с суффиксом -оват(-еват-), мотивированные качественными прилагательными. Такой интерес обусловлен их способностью передавать значение градации признака (а именно, выражать неполноту и чрезмерность качества).* Идея использования градационной шкалы при анализе качественных и количественных аспектов лингвистического значения, обоснованная Э. Сепиром [16, с. 43–78], признается сегодня многими исследователями и получила дальнейшее теоретическое развитие в работах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Булыгиной, А. Д. Шмелева, А. Вежбицкой М. В. Мусиенко, и др.

Известная мысль Э. Бенвениста о том, что "асимметрия лежит в самой основе языка" [4, с. 39], получила, на наш взгляд, интересное развитие в современной идее скалярно-антонимического комплекса и относящейся к нему нормы. Подробные исследования в этой области были проведены Н. Д. Арутюновой. Она отметила, что "на градационной шкале норма может занимать разное место. В собственно скалярно-антонимическом комплексе ей принадлежит большее или меньшее пространство вокруг оси симметрии, т. е. в средней части шкалы", а также "понятие нормы может отождествляться с частью шкалы, соответствующей одному из эквиолентных антонимов" [3, с. 67].

Как показали исследования, основным принципом, контролирующим отклонения от нормы в сторону положительного или отрицательного полюса шкалы в пределах отдельной антонимической пары, является семантика мотивирующего слова. Такие "отклонения" могут быть выражены дериватами с суффиксом -оват-, которые в разных контекстах способны обозначать: низкую степень признака ("немного"), близкую к норме, значительную степень ("довольно") и избыточную степень признака ("слишком") [23, с. 6]. Однако подобная градация признака не всегда допустима для всех членов скалярно-антонимического комплекса.

Цель нашей работы — выявить системные закономерности в семантике мотиваторов, которые предопределяют возможность или невозможность образования дериватов с суффиксом -оват-. Ибо, "Основная задача изучения словообразования — выяснение того, что допускается системой" [22, с. 16].

С точки зрения лексического значения прилагательные — антонимы подразделяются на параметрические, называющие физические параметры предмета (*глубокий* — *мелкий*, *широкий* — *узкий*, *высокий* — *низкий* и т. п.) и аксиологические прилагательные, указывающие ценностные ориентиры (*хороший* — *плохой*,

* Думается, что подобные процессы происходят и в сфере прилагательных указанных славянских языков, однако сопоставительный анализ не является целью нашей работы

умный — глупый, веселый — грустный) (см. работы Н. Д. Аругюновой, А. Вежбицкой, В. П. Мусиенко и др.).

Представляется, что для достижения цели нашей работы следует выделить группу аксиологических прилагательных, обозначающих абсолютные признаки (по А. В. Исаченко), т. е. такие, которые не зависят от оценки говорящего: слепой — зрячий, глухой — слышащий (прич.), живой — мертвый, здоровый — больной, женатый — холостой и т. п. [12, с. 235]. Следовательно, невозможность образования дериватов с суффиксом -оват- от антонимов живой — *живоватый и мертвый — *мертвоватый, здоровый — *здорововатый и больной — *больноватый, женатый — *женатоватый и холостой — *холостоватый, на наш взгляд, не вызывает сомнения.

Существование производных от прилагательных слепой (слеповатый) и глухой (глуховатый) обусловлено, как нам кажется, их многозначностью. Так дериваты, образованные от мотиваторов в прямом значении приобретают семантику неполноты качества, что связано не с градацией признака, а с выражением недостатка нормы.

Слепой — “незрячий, безокий” → слеповатый — “подслепый, плохо видящий” [ТСЖВЯ, т. 4, с. 229]. Например:

Девка красивая, только что на один глаз слеповата, да другой — то целый (А. Н. Толстой. Петр., БАС, т. 13, с. 1195)

Глухой — “лишенный способности слышать” → глуховатый — “несколько глухой” [ТСЖВЯ, т. 1, с. 358]:

Спустя месяц после его (Дорна) кончины, Лидия Николаевна, женщина маленькая, глуховатая и не без странностей наняла пустую квартиру и обратила ее в пансион (Набоков. Машенька).

Интересно, что прилагательное слеповатый и его мотиватор слепой в переносном значении имеют сходные словарные дефиниции:

Слепой — “такой, сквозь который плохо или ничего не видно” — слеповатый — “несколько, до некоторой степени слепой” [БАС, т. 13, с. 1197]. Сравним:

оконца... слепые от инея (Гладк. Мать, БАС, т. 13, с. 1197), т. е. “тусклые” ≅ слеповатые оконца.

В области значений прилагательных глуховатый и глухой также наблюдаются подобные явления:

Глухой — “невнятный по звуку, незвонкий” — глуховатый — “не очень звонкий, не очень громкий” [БАС, т. 3, с. 154].

Сравним: глухой голос, т. е. “незвонкий” ≅ глуховатый голос в контексте: — *А что?.. Разве не за это мы пошли в восемнадцатом году умирать, товарищи?* — проговорил он глуховатым голосом (А. Толстой. Голубые города).

Знак подобия (≅) здесь обозначает, что прилагательные слеповатый и глуховатый в соответствующих контекстах могут иметь значение “более” или “менее” тусклый или “более” или “менее” звонкий, а значит соответствуют рамкам градационной шкалы. Их семантика, во-первых, уже не свободна от оценки, во-вторых, несет информацию о соответствующих параметрах предмета: силе излучения световых волн и звучности голоса.

Как видим, разграничение прилагательных на чисто параметрические или чисто аксиологические затруднительно, т. к. они в своем большинстве многозначны (за исключением выделенных выше). Поэтому целесообразнее нам представляется говорить о полисемичных адъективах с параметрическими и аксиологическими компонентами значения.

Мы показали, что мотиваторы с параметрическими и аксиологическими компонентами значения избирательно проявляют способность взаимодействовать с суффиксом -оват-. Дериваты с суффиксом -оват-(-еват-), образованные от многозначных прилагательных с аксиологическими компонентами значениями не используются в речи, при теоретической возможности их функционирования. Сравним:

высоковатый дом	*высоковатая честь	низковатое кресло	*низковатый поступок
светловатое платье светловатая лампочка	*светловатый миг *светловатый ум	темноватое помещение темноватые волосы	*темноватое время *темноватые люди
крупноватый плод	*крупноватый ученый	мелковатый песок	*мелковатый чиновник
толстоватая палка толстоватый нос	—	тонковатый стебель тонковатые пальцы	*тонковатый критик
худоватое лицо	*худоватые времена *худоватые ботинки	полноватый мужчина	*полноватое собрание сочинений *с полноватым знанием дела *мать полновата любви к детям

Следует отметить, что производные с суффиксом -оват-(-еват-) от прилагательного *худой* не образуются от его омонимов: *худой*● — “то же, что *плохой*” и *худой*●● — “дырявый, прохудившийся” (т. к. эти значения относятся к области аксиологических понятий).

Наши наблюдения позволяют отнести такую избирательность суффикса -оват- в образовании дериватов от полисемичных мотиваторов к “компетенции имплицитной морфологии” [18, с. 7], где “особое значение... уделено семантике и валентности морфем, связанных с лексико-семантическими вариантами” [с. 12]. Мы предполагаем, что “семантический запрет” на присоединение суффикса -оват-(-еват-) к многозначным адъективам с аксиологическим компонентом семантики возникает потому, что данные прилагательные участвуют в формировании связанных значений слов.

Словосочетания типа *высокая честь*, *крупный ученый* и т. п. имеют узкую сферу приложимости значений, становятся классифицирующими [20, с. 215]. Изменения их семантики в количественном отношении исключаются.

Например:

*слегка светлый миг — *чересчур светлый миг;

* мать слишком полна любви к детям — * мать в некоторой степени полна любви к детям.

С другой стороны, дериваты, образованные от полисемичных мотиваторов с параметрическими компонентами значения, получили широкое распространение в речи. Например:

Зал был большой, но какой-то неопрятный, подержанный, с низковатым потолком (Сергеев — Ценский. Движения, БАС, т. 7, с. 1300). Ср: высоковатый потолок.

Значения прилагательных *низковатый* и *высоковатый* могут быть интерпретированы как “слишком низкий/ высокий” или “несколько низкий/ высокий” по отношению к той высоте потолка, которая является приемлемой в условиях контекста.

Мотивацией для параметрической характеристики “высокий/ низкий” является понятие о “подходящем размере”, которое находится на одинаковом расстоянии от полярных прилагательных и является нормой для них обоих. По мнению Н. Д. Арутюновой: “сфокусированность сообщений на отклонениях от нормы и стереотипа жизни ведет к тому, что значения, соответствующие флангам градационной шкалы, богато представлены в языке... Концы шкал в области параметрических значений лексически разветвлены и изменчивы. Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции” [3, с. 72]. Придерживаясь точки зрения Т. И. Вендиной о том, что: “за каждым аффиксом закрепляется определенная семантическая функция, эксплицирующая его семантическую “специализацию” [7, с. 11], мы полагаем, что валентность суффикса -оват(-еват-) маркирует в языке признаки, которые могут быть выражены количественно.

И. А. Бодуэн де Куртенэ, анализируя категорию количества в языковом мышлении, отмечал в этой связи возможность обозначения “разных степеней интенсивности с помощью словообразовательных суффиксов: увеличительность, уменьшительность, ласкательность. [5, с. 319].

Однако, на наш взгляд, вряд ли можно говорить о том, соотносительность производных прилагательных с противоположными флангами шкалы релевантна их оценке. Рассмотрим прилагательные, соответствующие признакам градационной шкалы: **холодный — прохладный — теплый — горячий.**

Известно, что и слишком жаркая, и слишком холодная погода может оцениваться отрицательно, в то же время при очень сильной жаре человек, как правило, стремится не к холоду, а к прохладе, и, наоборот, при сильном холоде мы бы предпочитали оказаться не в жаре, а в тепле. То есть проблема установления нормы (в данном случае, нормальной температуры) каждый раз зависит от ожиданий субъекта.

Вспомним пример А. С. Цуккерман [24, с. 95]:

в одном из котлов обнаружил темный теповатый чай... (Богомолов. Зося), где

“обманутые ожидания” говорящего в отношении температуры напитка (*теповатый* — “недостаточно горячий”), могли бы стать мотивацией для выражения *холодноватый чай* (*холодноватый* — “недостаточно теплый”) в условиях этого же контекста. Таким образом, можно говорить о том, что значения дериватов *теповатый* и *холодноватый* сближаются в семантическом поле прилагательного *теплый*.

Интересные наблюдения были сделаны В. П. Мусиенко в области прилагательных — антонимов, где дериват с суффиксом *-оват(-еват-)* образуется только от одного мотиватора из антонимичной пары. Она рассмотрела следующие случаи [14, с. 37]:

слабый — слабоватый	сильный — *сильноватый
глупый — глуповатый	умный — *умноватый
скучный — скучноватый	веселый — *веселоватый
трусливый — трусоватый	смелый — *смеловатый
дорогой-дороговатый	дешевый — *дешеватый

Мы продолжили такое исследование и дополнительно выделили еще несколько антонимичных пар:

бедный — бедноватый	богатый — *богатоватый
грязный — грязноватый	чистый — *чистоватый
грустный — грустноватый	веселый — *веселоватый
плохой — плоховатый	хороший — *хорошеватый
старый — староватый	сильный — *сильноватый

На восприятие значения каждого адъектива данной группы оказывают влияние культурные стереотипы. Поэтому полярные прилагательные, независимо от их индивидуальной семантики, можно разграничить как негативные и позитивные. По мнению Н. Д. Арутюновой, в области аксиологических понятий норма лежит не в серединной части шкалы, а совпадает с ее позитивным краем [3, с. 66].

Отсутствие производных прилагательных с суффиксом *-оват-* от адъективов, обозначающих позитивные признаки, возможно объясняется тем, что в языке отсутствует необходимость градации “хорошего” на словообразовательном уровне, в отличие от лексического (мы не отрицаем возможность употребления сочетаний типа *более веселый, менее веселый*).

Отрицательные же явления необходимо измерить, в первую очередь, для того, чтобы выяснить, насколько они отрицательны: “несколько, в некоторой степени, слегка” или “довольно, слишком”. И эта мера социально обусловлена и зависит от участников конкретной ситуации.

В. фон Гумбольдт говорил, что “за влиянием языка на человека стоит закономерность языковых форм, за исходящим от человека обратным воздействи-

ем на язык — начало свободы” [10, с. 84]. Мы говорим об индивидуальной свободе утилизации той или иной степени проявления признака, выраженной производными прилагательными с суффиксом -оват-(-еват-).

Например, дериват **грустноватый** толкуется в словаре как “довольно грустный”. И далее следует контекст, где рядом с производным прилагательным употребляется противоположное наречие степени “несколько”:

— Да, письмо твое несколько грустновато. Мне самому даже будущность твоя не представляется в заманчивом виде (Гог. Письмо Данил. БАС, т. 3, с. 449).

Ср. также: **грязноватый** — “довольно грязный” и в контексте:

— Ну, что, какова дорога? — Хороша, Николай Еремич. Грязновата маленько (Тург. Контора, БАС, т. 3, с. 456), где наречие степени *маленько* противоречит указанному толкованию.

На наш взгляд, такое смысловое расхождение может свидетельствовать о функционировании -оват-производных от прилагательных с отрицательными аксиологическими компонентами значения, выражающих как избыток признака, так и его неполноту.

Возможно, выделение неполноты отрицательных признаков в русском языке является стремлением приблизиться к положительному полюсу, “соответствующему норме” [цит. по 3, с. 66]. Как нам кажется, такая стратегия поведения в русском (славянском) обществе является традиционной. А. Вежбицкая отмечает, что ученые, изучавшие русский национальный характер, постоянно подчеркивали стремление русских к “этической манере выражения” [6, с. 37]. Так, исследователь Клухон подчеркивает, что русских отличает “теплота и экспрессивная эмоциональность человеческих отношений” [цит. по 6, с. 34]. По нашему мнению, одним из способ выразить бережное отношение к тому, что “хуже”, смягчить негативный признак в русском языке является функционирование дериватов с суффиксом -оват- (-еват-), значение которых относится к области негативных аксиологических понятий.

Актуализация того или иного значения каждый раз будет зависеть от индивидуальных целей коммуникантов. Именно этот фактор индивидуальности в формировании языка и влечет за собой различия в языковой картине мира [17, с. 40]. То есть особенности видения одного распространяются на весь народ — это возможно лишь потому, что “язык никогда не существует вне общества” [19, с. 110]. Сознание не только индивидуально, но еще и социально: находится в известном согласии с окружением и потому признается им.

Литература

1. Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. — М.: Изд-во ин. лит., 1949. — 496 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды, т. 1. Лексическая семантика. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 472 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974. — 447 с.

5. Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языковом мышлении// Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — с. 311 — 330.
6. Вежбицкая А. Язык Культура Познание. — М.: Изд-во русских словарей, 1996. — 410 с.
7. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). — М.: Изд-во Индрик, 1998. — 240 с.
8. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1972. — 614 с.
9. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. В кн.: Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. — М.: АН СССР, 1952 — с. 97 — 152.
10. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 397 с.
11. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира сквозь призму семантики словообразовательных моделей// Когнитивные сценарии коммуникации. На перекрестке языков и культур. — Симферополь: Изд-во ТНУ им. Вернадского, 2002, с. 49 — 51.
12. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. ч. 1. — Братислава: Изд-во САН, 1954. — 386 с.
13. Лосский Н. О. Характер русского народа. — М., 1957.
14. Мусиенко В. П. Функционально-семантическая категория меры в русском языке. — М.: Роспечать, 1997. — 249 с.
15. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
16. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — Вып. 16. — с. 43 — 78.
17. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. — М.: Наука, 1983. — 319 с.
18. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. — М.: Изд-во РУДН, 1977. — 203 с.
19. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — 695 с.
20. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. — М.: Наука, 1981. — 296 с.
21. Травничек Фр. Грамматика чешского языка. Ч. 1. Фонетика. Словообразование. Морфология. — М.: Изд-во ин. лит., 1950. — 466 с.
22. Улукханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. — М., 1977.
23. Цуккерман А. С. Лексико-семантическая и функциональная характеристика производных с суффиксом -оват(-еват-) в современном русском языке. — 10. 02. 01. — Автореф. ... к. ф. н. — Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова. — 1986. — 14 с.
24. Цуккерман А. С. Тепловатый — “слегка” или “слишком теплый”?// Русская речь, 1986, № 6. — с. 95 — 98.

Условные сокращения

1. ТСЖВЯ — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: т. 1 — 4. — М.: Русский язык, 1978.
2. БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. — М.: Изд-во АН СССР, 1948 — 1965.

Поступило в редакцию 15. 09. 2002